

An anime-style illustration featuring a young man and a young woman. The man, on the left, has dark, spiky hair and blue eyes, wearing a dark blue jacket with gold trim over a white shirt. The woman, on the right, has long, wavy reddish-brown hair and red eyes, wearing a pink dress with white lace and a blue pendant necklace. They are standing in front of a European-style building with a tall spire under a blue sky with clouds.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ГЕРОЙ АНИМЕШНОГО
ВРЕМЕНИ

Сергей Патрушев

Герой анимешного времени

Серия «Аниме», книга 2

<https://litres.ru/73482622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать три года серых будней, пустого холодильника и одиночества на балконе двенадцатого этажа. Мир, в котором не случается чудес. Но однажды утром небо раскалывается, и из разрыва хлынул свет, изменивший всё. Обычный парень шагает в неизвестность — и попадает в удивительный город под небесным океаном, где время течёт иначе, а по улицам бродят тени, ждущие своего часа.

Здесь ему предстоит вспомнить, кем он был на самом деле. Пройти через битвы с тьмой, встретить любовь, ждавшую его тысячелетия, обрести семью и понять, что даже создатель миров может стать просто счастливым человеком.

Вместе с Аей — душой города, хранящей память о погибших, — и маленьким Солярисом, их сыном, наделённым мудростью всех веков, герой столкнётся с проклятыми пиратами, ледяным прошлым, картой судьбы и камнем, хранящим воспоминания людей. Каждая новая глава — шаг к главному открытию:

настоящая магия живёт не в заклинаниях, а в сердцах тех, кто умеет любить, прощать и помнить.

Сергей Патрушев

Герой анимешного времени

Пролог: Герой анимешного времени

В то утро мир казался нарисованным акварелью по мокрому. Ливень, хлеставший всю ночь, наконец выдохся, оставив городу влажную, звенящую тишину. Воздух, густой и сладкий, стоял коловодом, и каждый звук тонул в нём, не находя отклика. Только с карнизов редкими хлопьями срывались запоздалые капли, разбивая лужи у подъезда на миллион концентрических кругов.

Я стоял на балконе двенадцатого этажа, вдавливая пальцы в холодный, мокрый металл перил. Внизу, в перспективе, спал микрорайон – серые коробки панельных домов, похожие на монолитные надгробия несбывшимся мечтам их обитателей. Где-то там, в этой геометрической правильности, потерялась и моя жизнь, аккуратно расчерченная на серые будни и тусклые выходные. Двадцать три года. Возраст, когда уже не веришь в чудеса, но ещё слишком молод, чтобы смириться с их отсутствием.

Всё изменилось в семь часов четырнадцать минут утра по местному времени.

Сначала я подумал, что у меня от недосыпа поехала крыша. Или что соседи сверху вновь затеяли ремонт и включили перфоратор прямо в стену реальности. Потому что небо... оно просто раскололось. Без грома, без вспышки, без единого звука. Просто вертикальная линия тьмы, настолько плотной, что она казалась материальной, прорезала серую утреннюю хмарь от зенита до самой линии горизонта. Края этого разрыва пульсировали, переливаясь цветом, которого не существует в природе – цветом боли, цветом восторга, цветом всего, что я когда-либо чувствовал сразу.

А потом из этой трещины хлынул свет.

Он не был похож на солнечный. Он был жидким, струящимся, он тёк в небо, как расплавленное золото, как чья-то гигантская слеза, и всё, чего он касался, менялось. Серые многоэтажки за его спиной обретали немыслимые, фантастические очертания, стёкла вспыхивали витражами, асфальт подёргивался изумрудной травой, а мусорные баки у подъезда превращались в причудливые артефакты, покрытые вязью незнакомых рун.

Я смотрел на это, и где-то в груди, там, где последние годы зияла холодная пустота, вдруг что-то ёкнуло, заныло, а потом взорвалось фейерверком. Это было чувство, которое

я считал навсегда утерянным в детстве. Чистое, всепоглощающее предвкушение приключения.

Ветер, сорвавшийся с той стороны, ударил в лицо, пахнувший озоном, пылью неведомых цветов и терпкой, пьянящей свободой. Он трепал мои волосы, заставляя сердце колотиться где-то в горле. Реальность вокруг наслаивалась, двоилась, истончалась, как старая киноплёнка, готовая вот-вот порваться. Я видел тени, которые не принадлежали домам и деревьям, слышал обрывки мелодий, что не могли родиться в этом мире, и чувствовал на губах привкус чего-то невероятно далёкого и забытого.

И тогда я понял. Это не апокалипсис. И не мираж. Это было приглашение. Крик о помощи или, быть может, безмолвный зов, адресованный лично мне. Тому, кто всё это время ждал, сам не зная чего, вглядываясь в экран монитора и мечтая о мире, где линии судьбы прочерчены ярче, а чувства не прячутся за маской иронии.

Мир замер в этой оглушительной, звенящей тишине. Даже капли перестали падать. Даже ветер застыл. Я разжал пальцы, вцепившиеся в перила, и сделал шаг назад, в свою пустую квартиру. А потом, не оглядываясь, шагнул вперёд – прямо в распахнутое настежь небо.

И время, всё это время, что я прожил зря, наконец, начало свой отсчёт.

Глава 2

Падение длилось вечность. Или одно мгновение. Здесь, в этом межмирье, время потеряло власть надо мной, рассыпавшись миллиардом светящихся песчинок, что неслись навстречу, пронзая тело насквозь, не причиняя боли, но оставляя после себя странное, щекочущее чувство узнавания. Каждая вспышка была чьей-то жизнью, чьей-то историей, сном или явью – я не мог отличить, да и не пытался. Я просто летел, раскинув руки, и впервые за многие годы не хотел, чтобы это закончилось.

А потом свет померк, и под ногами возникла твердь.

Она была тёплой. Камень, из которого сложена эта узкая улочка, дышал, как живой, храня в себе жар ушедшего дня и обещание ночной прохлады. Я поднял голову и замер. Надо мной, вместо привычного серого неба, простирался океан. Настоящий, бескрайний, тёмно-синий, с едва различимыми бликами далёких звёзд, он перекачивал свои ленивые волны там, где по законам любого другого мира полагалось быть атмосфере. Рыбы – огромные, светящиеся изнутри призрачным фосфорическим светом – неторопливо плыли по этому

небесному простору, изредка ныряя в облака, которые здесь клубились, словно косяки серебристой сельди.

Город вокруг меня спал. Но спал странным, настороженным сном. Дома здесь не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Причудливая смесь восточных пагод и европейских готических соборов, они взмывали вверх тонкими шпилями, стремящимися проткнуть брюхо небесной воды, а у земли разрастались тяжёлыми, приземистыми основаниями, поросшими мхом и выюнами с листьями цвета индиго. Улицы, вымощенные этим живым камнем, петляли так затейливо, словно их прокладывал безумный картограф, вдохновлявшийся сном наркомана. И в этой запутанности, в этой неестественной, давящей архитектуре чувствовалась какая-то тоска. Будто город пытался убежать от самого себя, но каждый раз упирался в собственные стены.

Тишина здесь тоже была особенной. Не мёртвой, а... ожидающей. Она шевелилась, дышала, пряталась по углам, готовая в любой момент взорваться тысячью звуков. Я слышал, как где-то далеко, за пределами видимого, плещется вода о причал, как поскрипывают во сне вывески магазинов, на которых пляшут незнакомые, но почему-то понятные сердцу иероглифы, и как тихо, едва слышно, плачет ребёнок. Плач этот доносился откуда-то сверху, с одной из террас, залитых лунным светом, что пробивался сквозь толщу небесного оке-

ана причудливыми, танцующими бликами.

Я сделал шаг. Потом другой. Воздух здесь был густым, почти осязаемым, он обволакивал, ласкал кожу, пах солью, йодом и чем-то ещё, неуловимо сладким, похожим на цветущую сакуру, хотя вокруг не было ни одного дерева. Мои лёгкие, привыкшие к выхлопным газам и городской пыли, захлёбывались этим непривычным коктейлем, и голова шла кругом, но не от дурноты, а от упоительного, пьянящего восторга.

Я шёл вперёд, повинуюсь не разуму, а какому-то внутреннему зову, тому самому, что шепнул мне прыгнуть с балкона. Улочка вывела меня на небольшую площадь, в центре которой возвышался фонтан. Он не работал, и в его сухой чаше, на дне, усеянном потрескавшейся керамической плиткой, сидела девочка. Лет десяти, не больше. На ней было лёгкое, совсем не по здешней влажной прохладе, кимоно с разводами, напоминающими крылья бабочки, и она сосредоточенно водила пальцем по дну, выводя какие-то знаки.

Она не плакала. Звук, что я принял за плач, издавал не человек. Рядом с девочкой, на краю фонтана, сидел крошечный зверёк. Нечто среднее между котёнком и лисёнком, с огромными, немигающими глазами, в которых плескалась вселенская печаль, и пушистым хвостом, который он обвил

своими же лапами. Именно из его приоткрытого рта и доносился тот самый щемящий, тонкий звук.

Девочка подняла голову и посмотрела на меня. В её глазах, неестественно больших для человеческого лица, отразился небесный океан с проплывающей мимо светящейся рыбой. И в них не было ни капли удивления, словно она ждала меня здесь всю свою недолгую жизнь.

– Ты пришёл, – сказала она. Голос её звучал негромко, но в этой звенящей тишине разнёсся эхом по всей площади, отразился от стен спящих домов и ушёл куда-то вверх, к перевёрнутому небу. – А мы уж думали, никто не придёт. Совсем никто.

Она говорила на языке, которого я не знал. Но каждое слово было мне понятнее родного. Смысл проникал в сознание не через слух, а через что-то другое, древнее, спрятанное глубоко в подкорке.

Зверёк перестал скулить, уставился на меня своими бездонными глазищами и чихнул. Из его носа вылетела искра, на мгновение осветив дно фонтана, и я увидел, что именно рисовала девочка своим пальцем в пыли. Это был круг. Простой, неровный, детский круг. Но в центре его горел огонь. Маленький, не сжигающий, живой огонёк, который пульси-

ровал в такт моему сердцу.

И в этот миг я понял, что дороги назад больше нет. И что всё, что было до – серые будни, пустой холодильник, одиночество в двенадцать этажей – было лишь предисловием. А эта книга, моя настоящая книга, только начиналась.

Глава 3

Огонёк в центре нарисованного круга жил своей особенной жизнью. Он не просто горел – он дышал, мерно пульсируя, и с каждым его вздохом тени на площади начинали танцевать, сплетаясь в причудливые узоры, которые тут же распадались, стоило лишь попытаться разглядеть в них хоть какой-то смысл. Девочка смотрела на меня снизу вверх, и в её огромных глазах, кроме отражения звёздного океана, плескалась такая бездонная усталость, какую не должен знать ребёнок. Усталость тех, кто слишком долго ждал и почти перестал надеяться.

Я хотел спросить её, где мы, кто она, что это за место, но слова застревали в горле, не в силах пробиться сквозь густой, тягучий воздух. Вместо этого я просто спустился в сухую чашу фонтана и сел напротив. Зверёк, похожий на помесь котёнка с лисёнком, настороженно покосился на меня, но с места не сдвинулся, лишь сильнее обхватил себя пушистым

хвостом, словно боялся, что без этого защитного кольца рассыплется на части.

Девочка молчала. Она вновь уставилась на свой рисунок, и я проследил за её взглядом. Круг, очерченный тонким пальцем в пыли, был неровным, сбивающимся, но в том, как он замыкался, чувствовалась какая-то неодолимая, отчаянная необходимость. Огонёк внутри него, казалось, питался этой необходимостью, впитывал её, как сухая земля впитывает влагу, и от этого становился только ярче.

Время здесь текло иначе. Я не знал, сколько мы просидели в молчании – минуту, час или целую вечность. Но постепенно, без единого слова, я начал понимать. Понимать не умом, а кожей, нутром, каждой клеточкой тела, которое вдруг перестало быть просто моим, а стало частью этого странного, перевёрнутого мира.

Этот город был живым. Он дышал в такт огоньку в круге, и стены домов вокруг нас то чуть заметно расширялись, то опадали, будто гигантские лёгкие. Улочки пульсировали, словно кровеносные сосуды, по которым вместо крови текли те самые светящиеся песчинки, что я видел во время падения. Город был ранен. И его рана – этот разорванный круг, эта незавершённость – кровоточила временем.

Девочка, наконец, подняла на меня глаза. И в них я прочитал всё. Она была не просто ребёнком. Она была частью города, его душой, запертой в детское тело. Или, быть может, город был её телом, а она – его тоской по тому, кто сможет закончить рисунок.

Я посмотрел на свои руки. Обычные руки, двадцатитрёх-летнего парня, ни разу в жизни не державшего ничего серьёзнее компьютерной мыши. Но сейчас они дрожали. Не от страха – от напряжения. Потому что внутри, в самой глубине, там, где жили все мои детские мечты о подвигах и великих свершениях, что-то откликалось на этот безмолвный зов.

Зверёк чихнул снова, и на этот раз из его носа вылетело целое облако искр. Они взметнулись вверх, закружились в медленном хороводе и вдруг начали опускаться на нас, не обжигая, а ласково касаясь кожи, волос, одежды. И в каждой искре, прежде чем она погасла, я успевал увидеть крошечное изображение. Вот мальчик, бегущий по бесконечному рисовому полю. Вот девушка с мечом, стоящая на крыше небоскрёба. Вот старик, рисующий тушью на рисовой бумаге дракона, и дракон сходит с листа, оживая. Мириады жизней, мириады судеб, мириады миров, спрессованных в одно мгновение.

– Они все ждали, – прошептала девочка, и я понял, что она говорит не со мной, а с ними, с этими искрами, с этими забытыми историями. – Ждали героя. А он не приходил.

Город вздохнул. Где-то далеко, на окраинах, глухо ухнуло, и мне показалось, или в просветах между домами небесный океан на мгновение стал темнее, будто туда зашла гигантская тень.

Я встал. Колени предательски дрожали, но я заставил себя выпрямиться. Подошёл к краю круга и опустился на корточки. Провёл пальцем по пыльной плитке, пытаюсь продолжить линию, начатую девочкой. Но пыль была сухой, и палец просто оставлял на ней неровную борозду, которая тут же осыпалась. Огонёк внутри круга встревоженно заметался, заметался, заметался...

Девочка покачала головой. Не осуждающе, а скорее сожалея.

– Так нельзя, – одними губами произнесла она. – Круг нельзя нарисовать. Его можно только вспомнить.

И тогда я закрыл глаза. Отключил зрение, которое здесь, в этом месте, было скорее помехой, чем помощью. И начал вспоминать. Вспоминать всё, что привело меня сюда. Холод

металла балконных перил. Серые коробки домов. Бесконечную череду одинаковых дней. Одиночество, ставшее второй кожей. Тоску по чему-то большему, настоящему. И ту секунду, когда небо раскололось, и я шагнул в разрыв, не зная, что меня ждёт, но зная точно, что остаться там, по ту сторону, я больше не могу.

Перед внутренним взором вспыхнули картинки. Не моей жизни – нет. Чего-то большего. Я видел, как этот город строился, как рос, как его улицы наполнялись людьми в странных одеждах, как над его шпилями взлетали драконы, а по небесной воде плавали корабли с парусами из света. Я видел, как в центре города, на этой самой площади, горел огонь. Не маленький, жалкий огонёк в пыльном круге, а огромное, всепожирающее пламя, которое было сердцем, душой, смыслом всего сущего.

А потом я увидел, как огонь погас. Как тьма пришла с той стороны, где небо смыкается с землёй, и погасила его одним ледяным, безжалостным дуновением. Как люди, звери, птицы, духи – все, кто жил здесь, – превратились в тени. Как город начал умирать медленной, мучительной смертью, замыкаясь в себе, забывая свои собственные улицы, теряя свои имена.

И только одна девочка осталась. Та, что была больше, чем

девочка. Та, что успела начертить круг прежде, чем погас последний отблеск умирающего пламени, и спрятать в него крошечную искру надежды.

Я открыл глаза. По щекам текли слёзы, которых я не замечал. Девочка смотрела на меня, и в её взгляде впервые появилось что-то, похожее на удивление. Зверёк перестал дрожать и теперь смотрел на меня с каким-то странным, почти собачьим обожанием.

Я снова протянул руку к кругу. Но на этот раз я не пытался чертить. Я просто положил ладонь на его центр, поверх огонька. И почувствовал, как жар обжигает кожу. Но это был не тот жар, что причиняет боль. Это был жар жизни, жар творчества, жар всего того, что я так долго искал и не мог найти в своём пустом, стерильном мире.

Город замер. Даже небесный океан перестал перекачивать свои волны. Рыбы остановили свой вечный бег. Время, наконец, сдалось и перестало сопротивляться.

Я чувствовал, как круг под моей рукой замыкается. Не пыльной линией на дне фонтана, а чем-то гораздо более глубоким, более настоящим. Он замыкался в моей памяти, в моём сердце, в самой моей сути. И когда последняя невидимая точка соединилась с первой, огонёк под ладонью вспых-

нул с такой силой, что я зажмурился.

А когда открыл глаза, на дне фонтана, там, где только что был нарисованный круг, теперь горел костёр. Самый настоящий, живой, тёплый костёр, пламя которого взметалось к самому небу, освещая площадь, разгоняя тени по углам, заставляя стены домов перестать дышать и наконец-то замереть в нормальном, здоровом покое.

Девочка улыбнулась. Впервые за всё это время. И от её улыбки, такой чистой, такой детской, у меня сжалось сердце.

– Ты вспомнил, – сказала она. – Ты вспомнил нас.

Зверёк, которого больше не держал страх, подбежал ко мне и ткнулся мокрым носом в ладонь. От него пахло озоном, кострами и почему-то свежеиспечённым хлебом.

Я сидел на дне фонтана в незнакомом городе под океанским небом, и впервые за двадцать три года мне не хотелось быть никем другим. Только собой. Тем, кто вспомнил. Тем, кто замкнул круг.

Но где-то далеко, на окраинах проснувшегося города, тени, что не успели разбежаться от света, начали собираться в нечто большее. И в их безмолвном, чёрном танце угадыва-

лось одно-единственное, невысказанное слово.

Глава 4

Пламя нового костра разрасталось, и вместе с ним город пробуждался от своего многолетнего оцепенения. Сначала робко, словно проверяя, не сон ли это, зашевелились вывески на лавках, и иероглифы на них, доселе неподвижные, вдруг обрели текучесть, зазмеились по дереву и металлу, складываясь в новые, неведомые письмена. Потом дрогнули ставни на окнах, приоткрываясь ровно настолько, чтобы впустить внутрь домов струящийся, живой свет. И наконец, камни мостовой – те самые, что казались мне просто тёплыми, – засветились изнутри мягким, молочным сиянием, и в их глубине, как в застывшем янтаре, проступили очертания давно ушедших существ, чьи следы навеки отпечатались в памяти города.

Я сидел неподвижно, боясь спугнуть это хрупкое, вновь обретённое равновесие. Девочка, чьё имя я так и не знал, придвинулась ближе к огню и протянула к нему свои маленькие ладони. Пламя ласково лизнуло их, не причиняя вреда, и мне показалось, или на мгновение сквозь прозрачную детскую кожу проступили очертания чего-то древнего, мудрого, бесконечно уставшего от одиночества.

Зверёк устроился у меня в ногах и теперь мурлыкал. Звук этот, низкий, вибрирующий, разносился по площади, отражался от стен и возвращался обратно уже многократно усиленным, создавая странную, гипнотическую мелодию, в которой угадывался ритм самого города, его пульс, его дыхание.

Но радость пробуждения длилась недолго. Первой почувствовала неладное девочка. Она резко отдёргнула руки от огня и вскинула голову к небу, где в толще океана, среди неторопливо плывущих рыб, начало зарождаться что-то тёмное, тяжёлое, непроницаемое для света. За ней насторожился зверёк – его мурлыканье оборвалось на полуноте, сменившись глухим, предупреждающим рычанием, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Я поднялся на ноги и тоже посмотрел вверх. Там, на горизонте, там, где небесная вода смыкалась с самыми дальними шпилями города, разворачивалась тьма. Она не наползала, не застилала – она просто возникала из ниоткуда, вытесняя собой свет, пожирая звёзды, растворяя в своей глубине светящихся рыб, которые исчезали бесследно, даже не успев испустить предсмертный крик.

И в этой тьме что-то двигалось.

Сначала мне показалось, что это просто игра воображения, обман зрения, рождённый страхом и перенапряжением. Но чем дольше я всматривался, тем отчётливее понимал: там, в чёрной бездне, копошатся фигуры. Бесчисленные, бесформенные, они перетекали друг в друга, сливались и разделялись, и в каждом их движении чувствовалась одна-единственная, всепоглощающая цель – добраться до нас, до огня, до того самого света, что только что вернул город к жизни.

– Они не ушли, – прошептала девочка, и в её голосе, впервые с момента нашей встречи, прозвучал неподдельный, детский страх. – Они только притворялись. Ждали, когда пламя станет большим, чтобы съесть его целиком.

Зверёк зарычал громче, и его шерсть встала дыбом, превратив пушистый комок в ошестинившегося ежа, из кончиков игл которого вырывались тонкие, потрескивающие разряды.

А город вокруг нас начал меняться. Стены домов, только что светившиеся теплом и жизнью, побледнели, стали прозрачными, почти призрачными. Улочки, ещё минуту назад полные обещания новых открытий, сжались, сузились до размеров щелей, словно пытались спрятаться, забиться в самые дальние углы собственного существа. Даже камни под ногами потускнели, их внутренний свет померк, уступая ме-

сто наступающей со всех сторон серости.

Я посмотрел на огонь. Он всё ещё горел ярко, даже ярче прежнего, но в его танцующих языках мне почудилась тревога. Пламя металось, бросалось из стороны в сторону, словно искало выхода, спасения, но не находило.

И тогда я понял, что должен сделать то, для чего меня сюда призвали. Не просто замкнуть круг. Не просто вспомнить. А защитить. Защитить этот хрупкий, только что родившийся заново мир от той самой тьмы, что когда-то уже погасила его сердце.

Я шагнул к огню и протянул руки к пламени. На этот раз оно не ласкало, оно жгло. Жгло по-настоящему, до боли, до крика, который застрял в горле и не находил выхода. Но я не отдернул руки. Потому что вместе с болью в меня вливалось знание. То самое, что было скрыто в этом мире с момента его создания, то, что ждало своего часа, своего носителя, своего героя.

Я увидел войну. Не ту, что бывает между людьми, а ту, что длится вечность между светом и его отсутствием. Увидел, как этот город пал не от меча или огня, а от предательства. Как тот, кому доверили хранить пламя, сам открыл ворота тьме, соблазнившись посулами власти над временем и

пространством. Как его имя стёрли из памяти, как его образ развеяли по ветру, но тень его предательства навсегда осталась в трещинах на камнях, в скрипе ставен, в шепоте ветра, что бродит по опустевшим улицам.

Имя предателя было Каге. Тень. И теперь, когда пламя вновь зажглось, он возвращался, чтобы закончить начатое. Чтобы погасить свет навсегда и обратить этот мир в своё бесконечное, мёртвое царство.

Я отдёрнул руки от огня и уставился на свои ладони. Они были чёрными. Обожжёнными до угля, до состояния голых вешек. Но боли не было. Вместо боли в кончиках пальцев зарождалось что-то новое – холодное, острое, смертоносное.

Кожа на руках начала сходить, осыпаясь чёрным пеплом, а под ней проступало другое – металлический блеск, сложные механизмы, шестерёнки, которые вращались с немыслимой скоростью, порождая энергию, способную соперничать с самой тьмой.

Девочка смотрела на моё превращение со смесью ужаса и восторга. Зверёк замер, перестав рычать, и в его глазах, устремлённых на меня, читалось одно-единственное чувство – благоговение.

– Ты не просто герой, – выдохнула девочка, и слова её падали в тишину, как камни в глубокий колодец. – Ты – оружие. Самое сильное, что когда-либо создавал этот мир. Тот, кто придёт, когда круг замкнётся. Тот, кто вспомнит, когда все забудут.

Я смотрел на свои руки-механизмы, на свои пальцы-лезвия, и во мне боролись два чувства. Ужас от того, кем или чем я становлюсь, и ликование от осознания силы, которая теперь текла по этим новым, нечеловеческим жилам.

Тьма на горизонте тем временем подобралась совсем близко. Теперь я мог разглядеть её обитателей. Это были тени. Миллионы теней. Тени людей, зверей, домов, деревьев, целых миров – все они сплелись в единую, шевелящуюся массу, и в центре этой массы, как зрачок в бесконечном глазу, горело одно-единственное пятно света. Но свет этот был мёртвым, холодным, лунным – светом того, кто предал однажды и был готов предать снова.

Каге смотрел на меня. Сквозь тьму, сквозь расстояние, сквозь само время он смотрел прямо в мою душу, и в его взгляде читалась насмешка. Он знал, кто я. Знал, откуда я пришёл. Знал, что в моём мире я был никем, пустым местом, человеком без прошлого и будущего. И он не верил, что такой, как я, сможет ему противостоять.

Но он не знал одного. Того, что я успел понять, сидя на дне фонтана, глядя на огонь и слушая, как затихает в объятиях страха пробудившийся город. Он не знал, что в моём мире, в мире серости и безысходности, я научился одному – не сдаваться. День за днём, год за годом я просыпался и жил, хотя жизнь не давала для этого ровным счётом никаких причин. И это умение – просто продолжать, когда всё против тебя – было сильнее любого оружия, любой магии, любой тьмы.

Я сжал свои новые, металлические кулаки, и от этого движения по площади разнёсся звук, похожий на звон тысячи клинков, вынимаемых из ножен одновременно.

– Оставайся здесь, – приказал я девочке и зверьку, и голос мой звучал чужо, металлически, но в нём, где-то глубоко, всё ещё пробивалась та самая, человеческая, усталая нота.

Я шагнул навстречу тьме. Город за моей спиной затаил дыхание. Даже небесный океан замер, и рыбы в нём остановились, превратившись в неподвижные светящиеся точки.

Каге ждал. И битва, которой суждено было решить судьбу этого мира, начиналась.

Я шёл сквозь город, и каждый мой шаг отдавался гулким металлическим эхом в пустых улицах. Новое тело двигалось иначе, чем прежнее, человеческое – в нём не было привычной вялости, той ленивой грации усталого существа, к которой я так привык за двадцать три года серого существования. Вместо этого каждое движение отзывалось точным расчётом, выверенной мощностью, словно внутри меня поселился идеальный механизм, для которого не существовало понятия «не могу».

Руки мои, превратившиеся в причудливое переплетение металла и энергии, пульсировали в такт с огнём, оставшимся позади. Я чувствовал его даже на расстоянии – тёплым, живым комочком где-то в той части сознания, что ещё не до конца подчинилась механической логике нового тела. Девочка и зверёк остались у костра, и я знал, что пока я жив, с ними ничего не случится. Эта уверенность пришла ниоткуда, просто возникла в голове законченной мыслью, не требующей доказательств.

Улицы, по которым я проходил, менялись на глазах. Город, чувствуя приближение битвы, готовился к ней по-своему. Дома, ещё недавно бывшие просто домами, теперь вытягивались, превращая свои стены в подобие крепостных укреплений. Окна затягивались плёнкой, похожей на по-

верхность мыльного пузыря, но твёрдой, как камень. Балконы втягивались внутрь, словно конечности испуганного животного, а крыши, наоборот, заострялись, обращаясь шпилями, готовыми пронзить любого, кто посмеет приблизиться сверху.

Камни мостовой под ногами перестали светиться. Теперь они были просто камнями – серыми, холодными, безжизненными. Вся энергия, что теплилась в них, ушла куда-то вглубь, в самые недра города, чтобы питать что-то другое, что-то большее, что готовилось к своему звёздному часу где-то под фундаментами.

Я миновал площадь, на которой когда-то, в прошлой жизни этого города, стоял рынок. Сейчас здесь было пусто, но в воздухе всё ещё витал запах пряностей, вяленой рыбы и чего-то сладкого, похожего на мёд, смешанный с цветочной пылью. Прилавки, давно покинутые торговцами, лежали на боку, их деревянные ножки подгнили, а кое-где и вовсе рассыпались в труху. Но среди этого запустения я заметил движение.

Маленькая ящерица, почти прозрачная, с переливающейся всеми цветами радуги чешуёй, выползла из-под опрокинутого лотка и уставилась на меня. В её глазах, похожих на две крошечные жемчужины, не было страха. Было любопыт-

ство и, как мне показалось, узнавание. Она склонила голову набок, словно спрашивая: «Тот ли ты, за кого себя выдаёшь?». Я не ответил, просто прошёл мимо, но краем глаза заметил, как ящерица метнулась следом, держась в тени домов, но не отставая ни на шаг.

За рынком начинался район, которого я раньше не видел. Узкие улочки здесь петляли так часто, что через полсотни шагов я окончательно потерял чувство направления, полностью доверившись внутреннему компасу, который вёл меня прямо к надвигающейся тьме. Дома здесь были ниже, приземистее, их стены покрывала не штукатурка, а настоящая кора – толстая, морщинистая, местами потрескавшаяся, из трещин которой сочилась густая, янтарная смола, пахнувшая хвоей и ещё чем-то терпким, дурманящим.

Это были не просто дома. Это были живые существа, когда-то бывшие деревьями, но изменённые магией этого мира до состояния строений. Сквозь кору проступали очертания окон и дверей, но сейчас все они были плотно закрыты, запечатаны изнутри тем же древесным соком, что застывал на стенах янтарными потёками.

Из одного такого дома, самого старого на вид, с корой, покрытой глубокими шрамами, похожими на следы от ударов мечом, донёсся звук. Тихий, жалобный, похожий на плач

ребёнка или на скулёж раненого зверя. Я остановился. Звук повторился, и теперь я отчётливо различал в нём слова. Не на языке девочки, не на том, что понимался сердцем, а на каком-то другом, древнем, почти забытом, но от этого не менее понятном.

«Не уходи. Не оставляй нас. Мы помним. Мы ждали. Мы верили».

Я подошёл к стене и прикоснулся к коре металлической рукой. В тот же миг перед глазами вспыхнуло видение. Тысячи, десятки тысяч существ – не людей, но разумных, прекрасных, светящихся изнутри тем же светом, что горел сейчас в костре на площади. Они жили в этом городе, в этих домах-деревьях, они пели песни под небесным океаном, они любили, творили, мечтали. А потом пришла тьма. И они не успели спрятаться. Они просто застыли, превратившись в то, что видел я сейчас – в дома, в камни, в тени на стенах. Их души остались здесь, пленённые собственными телами, и ждали. Ждали тысячелетиями. Ждали того, кто сможет их освободить.

Я отёрнул руку. Видение исчезло, но на коре, там, где я коснулся, остался светящийся отпечаток моей ладони. Он пульсировал, разгорался всё ярче, и вдруг кора вокруг него начала трескаться, осыпаться мелкой трухой, обнажая под

собой нечто иное. Чистую, гладкую поверхность, похожую на свежее дерево, только что освобождённое от старой коры. И на этой поверхности проступило лицо. Прекрасное, тонкое, с огромными глазами, полными слёз благодарности. Оно смотрело на меня мгновение, другое, а потом губы его шевельнулись, произнося беззвучное «спасибо», и лицо растаяло, оставив после себя лишь гладкую древесину, в которой, как в зеркале, отражалось моё собственное искажённое металлом лицо.

Я пошёл дальше, но теперь за мной следовала не только ящерица. Из каждого дома, мимо которого я проходил, доносились звуки – вздохи, шепот, едва слышные песни. И на каждом доме, стоило мне лишь приблизиться, кора начинала светиться, трескаться, обнажая застывшие в вечном сне лица, которые на мгновение оживали, смотрели на меня и исчезали, чтобы больше никогда не вернуться в свою каменную тюрьму.

К тому времени, как я достиг окраины города, за мной тянулся целый хоровод светящихся искр – освобождённых душ, что не уходили в небесный океан, а следовали за мной, освещая путь, согревая спину своим невесомым, призрачным теплом.

Граница города была отмечена аркой. Огромной, сложен-

ной из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня. На её поверхности не было ни единой надписи, ни единого символа, но я знал – это врата. Те самые, через которые когда-то вошёл Каге, впустив тьму в сердце этого мира. И сейчас они снова были открыты.

За аркой не было ничего. Вообще ничего. Пустота, простирающаяся до самого горизонта, где клубилась та самая тьма с миллионами теней. Пустота, в которой не чувствовалось ни времени, ни пространства, ни жизни. Только холод и ожидание.

Я шагнул под арку, и в тот же миг мир вокруг меня исчез. Город, искры, даже ощущение собственного тела – всё пропало, растворилось в ледяной бесконечности. Я падал. Или плыл. Или просто висел в этой пустоте, не имея возможности пошевелиться, вдохнуть, закричать.

А потом пустота заговорила.

Голос был везде и нигде одновременно. Он проникал в каждую клетку, в каждую мысль, в каждый уголок души, выворачивая наружу всё самое сокровенное, самое стыдное, самое тёмное.

«Ты думаешь, ты герой? – голос смеялся, но в смехе этом

не было веселья, только бесконечная, ледяная насмешка. – Ты всего лишь мальчик из мира, который давно умер. Мира, где люди разучились мечтать, где они запирают себя в бетонные коробки и называют это жизнью. Ты пришёл сюда, потому что тебе было нечего терять. Потому что твоя жизнь была пуста. И теперь ты хочешь защищать этот мир? Чем? Своей пустотой?»

Я хотел ответить, но голос не дал.

«Посмотри на себя. Ты даже не человек больше. Ты механизм. Оружие. Игрушка в руках тех, кто тебя призвал. Они используют тебя, мальчик. Так же, как когда-то использовали меня. А когда ты выполнишь своё предназначение, они выбросят тебя. Забудут. Сотрут из памяти, как стёрли меня».

Я понял, кто говорит со мной. Каге. Предатель. Тот, кто открыл ворота тьме.

«Я был таким же, как ты, – продолжал голос, и теперь в нём слышалась не только насмешка, но и боль. – Меня тоже призвали. Тоже дали силу. Тоже сказали, что я – избранный. А когда я сделал всё, что от меня требовалось, когда я защитил их, когда я пролил за них кровь, они испугались. Моя сила пугала их. И они решили, что я должен исчезнуть. Так почему же я должен был покорно принять свою участь? По-

чему я не имел права на ту же жизнь, что и они?»

Передо мной, в пустоте, начал формироваться образ. Сначала просто тень, более плотная, чем окружающая тьма. Потом в этой тени проступили очертания человека. Высокого, худого, с длинными волосами, развевающимися в несуществующем ветре. Лица его было не разглядеть – оно оставалось в тени, только глаза горели холодным, лунным светом.

«Я не предавал их, – сказал Каге, и голос его теперь звучал совсем рядом. – Это они предали меня. А я всего лишь взял то, что принадлежало мне по праву. Этот мир. Эти души. Всё это должно было стать моим. И станет. Ты можешь либо присоединиться ко мне, либо разделить их участь. Выбирай, мальчик из мёртвого мира. Выбирай прямо сейчас».

Тьма вокруг сгустилась, начала давить со всех сторон, проникать в лёгкие, в кровь, в мысли. Я чувствовал, как сопротивление угасает, как внутри поднимается знакомая, старая, как сам мир, усталость. Та самая, что заставляла меня годами лежать на диване и смотреть в потолок, не имея сил даже на то, чтобы приготовить себе поесть. Та самая, что шептала: «Зачем? Всё равно ничего не изменится».

Но вместе с усталостью во мне поднималось и другое. То, что я обрёл, сидя на дне фонтана, глядя на огонь и слушая,

как затихает в ожидании пробудившийся город. То, что за-
жгло во мне, когда девочка улыбнулась мне впервые за ты-
сячелетия своего одиночества. То, что горело сейчас в каж-
дой освобождённой мною душе, следовавшей за мной неви-
димым хороводом.

Я вспомнил лицо, проступившее на коре старого дома.
Его слёзы благодарности. Его беззвучное «спасибо».

И тьма внутри меня отступила.

– Ты ошибаешься, Каге, – сказал я, и голос мой, сначала
тихий, набирал силу с каждым словом, разносясь по пусто-
те, заставляя её вибрировать, дрожать, трескаться. – Они не
использовали меня. Они дали мне то, чего у меня никогда
не было. Цель. Смысл. Право быть нужным. Ты сам выбрал
свою судьбу, когда решил, что мир должен принадлежать те-
бе. А я выбираю другое. Я выбираю защищать.

Пустота вокруг меня взорвалась светом. Тысячи искр,
следовавших за мной от самого города, вдруг стали видимы-
ми, они заполнили всё пространство, разгоняя тьму, сжигая
холод, возвращая в эту мёртвую зону жизнь.

Каге закричал. В его крике смешались ярость, боль и, как
мне показалось, облегчение. Словно он сам устал от сво-

ей тьмы, от своего одиночества, от своей бесконечной, бессмысленной мести.

Тени за его спиной дрогнули. Миллионы теней, что служили ему армией, заколебались, зашевелились, и в каждой из них я увидел то же, что видел в застывших домах города – запертые души. Души тех, кого Каге поработил за тысячелетия своего владычества. И сейчас, в свете моих искр, они начинали пробуждаться.

Одна из теней отделилась от общей массы и шагнула вперёд. В ней проступили очертания девушки – хрупкой, тонкой, с длинными волосами и печальными глазами. Она посмотрела на Каге, и в этом взгляде не было ненависти. Была только бесконечная, всепрощающая грусть.

– Ты обещал, – прошептала она, и шёпот этот разнёсся по всей пустоте, заставив Каге замереть. – Ты обещал вернуться.

Каге смотрел на неё, и в его лунных глазах впервые появилось что-то человеческое. Растерянность. Узнавание. Боль.

– Я не мог, – прошептал он в ответ, и голос его сорвался. – Они не пустили меня. Они сказали, что я опасен. Что я...

– Ты не опасен, – перебила его тень-девушка. – Ты просто забыл, кто ты. Забыл, зачем сражался. Забыл, кого защищал.

Она протянула к нему свою призрачную руку, и Каге, этот повелитель тьмы, этот предатель, этот падший герой, не выдержал. Он шагнул к ней, и тьма вокруг него начала таять, осыпаться, обнажая под собой то, что было скрыто тысячами.

Человека. Уставшего, несчастного, потерянного человека, который когда-то, как и я, шагнул в этот мир, чтобы стать его героем.

Я стоял в стороне и смотрел, как рушатся стены, которые он возводил веками. Как тени, бывшие его армией, одна за другой обретают свои истинные лица, смотрят на него и исчезают, растворяясь в свете моих искр, унося с собой свою боль, свой страх, своё прощение.

Каге упал на колени. Тьмы вокруг больше не было. Пустота наполнилась светом, тёплым, живым, тем самым, что горел в костре на площади. И в этом свете я увидел его истинное лицо. Молодое, красивое, но изрезанное глубокими морщинами страдания. Глаза его, теперь не лунные, а просто человеческие, смотрели на девушку-тень с такой благодарностью и такой болью, что у меня сжалось сердце.

– Прости, – прошептал он. – Прости меня за всё.

Девушка улыбнулась, и в улыбке этой была вся нежность мира, всё прощение, на которое только способна любящая душа.

– Ты вернулся, – ответила она. – Это главное.

И они исчезли. Вместе. Растворились в свете, унося с собой друг друга, свою любовь, свою боль, свою надежду.

А я остался один в пустоте, которая больше не была пустой. Вокруг меня простирался свет. Тот самый, что привёл меня сюда. Тот, что горел в глазах девочки и в шерсти странного зверька. Тот, что теперь горел во мне.

Я разжал металлические кулаки и посмотрел на свои руки. Они снова были обычными. Человеческими. Чистыми. Только на ладонях, там, где я касался огня, остались два маленьких шрама, похожих на идеальные круги.

Где-то далеко, за пределами пустоты, ждал город. Живой, настоящий, освобождённый. Ждали девочка и зверёк. Ждала моя новая жизнь.

Глава 6

Свет обнял меня, как вода обнимает уставшего пловца, решившего наконец довериться течению. В нём не было слепящей белизны, которой я опасался – напротив, он переливался тысячами оттенков, плавно переходящих один в другой, создавая причудливые узоры, в которых угадывались очертания знакомых и незнакомых миров. Где-то в его глубине проплывали тени городов, каких я никогда не видел, мелькали лица существ, чьи имена мне не суждено было узнать, звучали обрывки мелодий, от которых щемило сердце сладкой, непонятной тоской.

Я плыл в этом свете, не имея тела, не имея веса, не имея ничего, кроме чистого сознания, и это было удивительно – не чувствовать тяжести собственных конечностей, не ощущать биения сердца, не нуждаться в дыхании. Впервые за всё время, с момента падения в этот мир, я перестал быть механизмом, перестал быть оружием, перестал быть даже человеком – я стал просто точкой восприятия, свидетелем, наблюдателем.

Свет постепенно редел, и сквозь него начали проступать очертания города. Но это был уже не тот город, который я покинул, шагая сквозь арку из чёрного камня. Он изменился. Дома, ещё недавно жавшиеся друг к другу в испуганном оце-

пенении, теперь стояли гордо, расправив свои стены, словно плечи, и в каждом окне горел огонь – не тот, жалкий, что я оставил в фонтане, а настоящий, живой, тёплый свет жилища, в котором ждут возвращения.

Улочки, петлявшие раньше хаотично, словно в попытке убежать от самих себя, теперь обрели стройность и логику – они вели к центру, к площади, к тому самому фонтану, где всё началось, и каждый камень мостовой сиял изнутри мягким, молочным сиянием, в котором проступали уже не тени прошлого, а обещания будущего.

Небесный океан надо мной тоже изменился. Тьма, клубившаяся на горизонте, исчезла бесследно, и теперь вода простиралась до самого края видимости, чистая, прозрачная, наполненная светом, идущим откуда-то сверху, из неведомого источника. Рыбы в ней уже не просто плыли – они танцевали, выписывая замысловатые фигуры, складываясь в хороводы, и их чешуя переливалась всеми цветами радуги, отражаясь в воде тысячами бликов, которые падали на город мягким, ласкающим светом.

Я опустился на землю у самого входа на площадь. Ноги мои, обретшие вновь плоть и тяжесть, ступили на тёплый камень, и я почувствовал, как город откликается на это прикосновение – лёгкая вибрация пробежала по мостовой, под-

нялась по стенам домов, ушла в небо и вернулась обратно тихим, певучим звоном, похожим на звук огромного колокола, только что закончившего свой бой.

Я сделал шаг, другой, и вдруг понял, что иду не один. Со всех сторон, из переулков, из подворотен, из дверей домов, которые только что были наглухо закрыты, выходили они. Тени. Но теперь это были не те тени, что служили Каге – это были тени освобождённые, обретшие плоть, обретшие жизнь. Мужчины и женщины, старики и дети, существа, похожих на которых я не видел никогда – с кожей цвета коры, с глазами, горящими, как угли, с волосами, струящимися, как вода. Они выходили и молча смотрели на меня, и в их взглядах не было ни страха, ни подобострастия, ни даже благодарности в том виде, в каком я её привык понимать. В их взглядах было узнавание. И принятие.

Высокий старик с лицом, изрезанным морщинами так глубоко, что в них могли бы спрятаться ручьи, подошёл ко мне и положил руку на плечо. Рука его была тёплой, живой, и от неё исходило ощущение невероятной, древней силы, с которой не стоило бы связываться, но которая сейчас была обращена ко мне самой дружелюбной своей стороной.

– Ты сделал то, что не удавалось никому, – сказал он, и голос его звучал, как шорох листвы в вековом лесу. – Ты не

победил тьму. Ты исцелил её. Это разные вещи. Победить – значит породить новую тьму, которая придёт на смену старой. Исцелить – значит вернуть свет туда, где его не было тысячелетиями.

Я хотел ответить, но слова застряли в горле. Слишком много всего накопилось внутри, слишком много вопросов, слишком много чувств, не нашедших ещё выхода. Старик понимающе кивнул и убрал руку.

– Иди, – сказал он. – Тебя ждут.

И толпа расступилась, открывая проход к центру площади, где всё так же горел костёр в сухой чаше фонтана, а рядом с ним сидели те, кого я оставил, уходя в свою последнюю битву.

Девочка поднялась мне навстречу. Она изменилась – или это я теперь видел её иначе? В ней не осталось и следа той вселенской усталости, что читалась в её глазах при нашей первой встрече. Теперь это был просто ребёнок – живой, любопытный, с горящими от восторга глазами и лёгким румянцем на щеках. Кимоно её, бывшее пыльным и выцветшим, теперь сияло чистыми, яркими красками, и бабочки на нём, казалось, вот-вот вспорхнут и улетят в небесный океан.

Зверёк, сидевший у неё в ногах, подбежал ко мне и принялся тереться о ноги, издавая тот самый низкий, вибрирующий звук, который я слышал впервые на этой площади. Но теперь в этом мурлыканье не было тревоги – только радость и безграничная, звериная преданность.

– Ты вернулся, – сказала девочка просто, и в этих двух словах поместилось всё – и тысячелетнее ожидание, и вера, которая не угасала даже тогда, когда угасло всё вокруг, и счастье, которое не нуждалось в объяснениях.

– Вернулся, – ответил я, и голос мой, на удивление, не дрогнул.

Мы стояли друг напротив друга, и между нами горел костёр. Пламя его взметалось высоко вверх, почти касаясь небесной воды, и в нём, в этом пламени, я видел отражения всего, что со мной произошло. Свой серый мир, свой пустой балкон, свой прыжок в расколотое небо. Падение сквозь время, встречу с девочкой, пробуждение города, битву с Каге, прощение, которое оказалось сильнее мести. Всё это сплелось в единый узор, и узор этот был мной.

– Ты знаешь, что теперь будет? – спросила девочка, и в голосе её не было вопроса – было утверждение.

Я покачал головой. Я действительно не знал. Знал только, что обратной дороги в мой прежний мир нет. Да и не хотелось туда возвращаться. Там, за расколотым небом, осталась только пустота, которую я с радостью променял на эту новую, полную смысла жизнь.

– Город будет жить, – сказала девочка, и слова её падали в тишину, разносясь эхом по всей площади. – Люди, что были теньями, снова станут собой. Не сразу, не все, но постепенно. Свет, что ты зажёл, будет гореть вечно. А мы... – она запнулась на мгновение, и в глазах её мелькнуло что-то, похожее на смущение, – мы останемся с тобой. Если ты захочешь.

Я опустил на корточки и посмотрел ей в глаза. Теперь, когда из них ушла многовековая усталость, я мог разглядеть в них то, что было скрыто раньше. Они были не просто глазами ребёнка. В их глубине, в самом зрачке, горел тот же огонь, что и в костре. Тот же свет, что вёл меня сквозь тьму. Та же сила, что когда-то создала этот город и поддерживала его существование все эти тысячелетия ожидания.

– Кто ты? – спросил я, хотя ответ уже начинал формироваться в сознании сам собой.

Девочка улыбнулась, и улыбка её была такой тёплой, такой настоящей, что у меня защипало в глазах.

– Я – душа этого города, – ответила она просто. – Та, что осталась, когда все ушли. Та, что ждала. Та, что верила. А теперь... теперь я просто девочка, у которой наконец-то появился друг.

Зверёк, услышав слово «друг», радостно тявкнул и подпрыгнул, норовя лизнуть меня в нос. Я едва увернулся от его влажного, пахнущего озоном языка и рассмеялся. Впервые за долгое время – рассмеялся по-настоящему, от души, забыв о том, кто я и откуда пришёл.

Смех мой разнёсся по площади, отразился от стен домов, поднялся к небесному океану и вернулся обратно многократно усиленным, и вдруг, откуда-то с окраин, донёсся ответный смех. Потом ещё один. И ещё. Город смеялся. Люди, бывшие теньями, выходили из своих убежищ и смеялись вместе со мной, вместе с девочкой, вместе со зверьком, и в этом смехе не было истерики освобождения – была простая, человеческая радость жизни, которую они не знали тысячами.

Мы просидели у костра до самого утра. Если, конечно, в этом мире можно было назвать утром тот момент, когда небесный океан посветлел, рыбы в нём замерли, перестав свой вечный танец, и откуда-то из-за горизонта, из-за края

воды, начал подниматься свет. Не солнце – здесь не было солнца. Просто свет, чистый, белый, тёплый, заливающий город мягким сиянием, в котором все краски становились ярче, все тени исчезали, а воздух наполнялся ароматами цветов, которых я никогда не видел.

Девочка задремала, положив голову мне на колени. Зверёк свернулся клубком у неё в ногах и тихо посапывал, изредка подёргивая во сне пушистыми ушами. А я сидел и смотрел, как просыпается город.

Из домов выходили люди. Настоящие, живые, со своими заботами и радостями. Открывались лавки, и торговцы выставляли на прилавки товары – ткани невиданной красоты, фрукты, светящиеся изнутри, книги с переплётами из чешуи небесных рыб. Дети бегали по улицам, играя в салки, и смех их звенел колокольчиками. Где-то заиграла музыка – странная, непривычная для моего уха, но до мурашек красивая, вплетающая в себя шум ветра, плеск воды и пение птиц, которых я до этого момента даже не замечал.

Город жил.

И я вдруг с удивительной ясностью понял, что это и есть моё место. Не героя, не спасителя, не избранного. Просто человека, который оказался в нужное время в нужном месте

и сделал то, что должен был сделать. А теперь – теперь я могу просто быть. Быть частью этого мира, этого города, этой новой, удивительной жизни.

Девочка пошевелилась во сне и что-то пробормотала. Я вслушался. Она говорила на том языке, что понимается сердцем, и слова её были просты и прекрасны:

– Ты останешься, правда? Ты не уйдёшь, как все они?

Я погладил её по голове, и волосы её, мягкие, как пух одуванчика, струились сквозь пальцы, оставляя на них едва уловимый аромат ночных цветов.

– Останусь, – ответил я тихо, чтобы не разбудить. – Обещаю.

И в этот миг где-то в глубине моего существа, там, где ещё недавно зияла пустота, что-то щёлкнуло, замкнулось, встало на место. Я почувствовал, как корни, невидимые, но от этого не менее реальные, начинают прорастать из моих ступней в камень площади, в землю под ним, в самое сердце города. Я становился частью этого мира. Не путником, не гостем, не спасителем – его законной, неотъемлемой частью.

Зверёк во сне чихнул, и из его носа вылетела искра. Она

взметнулась высоко вверх, закружилась в медленном танце и опустилась прямо на мою ладонь, где и погасла, оставив после себя крошечное, тёплое пятнышко.

Я поднёс ладонь к лицу и всмотрелся. На том месте, куда упала искра, проступил рисунок. Маленький, почти незаметный, но чёткий – идеальный круг, внутри которого горел огонь. Такой же, как тот, что я замкнул на дне фонтана. Такой же, как тот, что горел сейчас в глазах спящей девочки. Такой же, как тот, что стал моей душой.

Я улыбнулся и перевёл взгляд на небо. Там, в толще океана, мимо проплывала огромная серебристая рыба. Она посмотрела на меня своим круглым, немигающим глазом, и мне показалось, или в этом взгляде тоже было узнавание?

Где-то вдалеке зазвонил колокол. Гулкий, низкий звук разнёсся над городом, возвещая начало нового дня. День этот был первым днём моей настоящей жизни. Жизни, в которой я больше не был героем анимешного времени, пришедшим из ниоткуда, чтобы уйти в никуда. Я был просто собой. Тем, кто вспомнил. Тем, кто замкнул круг. Тем, кто остался.

Город, пробуждённый от своего тысячелетнего сна, жил теперь по новым законам. Я наблюдал за этой новой жизнью день за днём, сидя на краю фонтана, ставшего моим постоянным местом, и впитывал каждую деталь, каждую мелочь, каждое неуловимое изменение, происходящее в этом удивительном мире, который принял меня как родного.

Девочка, чьё имя наконец было произнесено – её звали Ая, что на языке этого мира означало «цветная ткань» или «узор», – оказалась не просто душой города, но чем-то гораздо большим. Она была хранительницей памяти, последней из длинной череды существ, что на протяжении тысячелетий следили за тем, чтобы история этого места не исчезла бесследно, чтобы каждый камень, каждая улочка, каждый дом хранили в себе отпечатки тех, кто жил здесь до великого затмения.

В первые дни после моего возвращения из пустоты Ая почти не отходила от меня. Она водила меня по городу, показывая места, которые я не видел во время своего первого, торопливого пути к арке. И каждое такое место открывалось мне с новой, неожиданной стороны.

В восточной части города, куда мы добрались лишь на третий день, располагался квартал ремесленников. Здесь, в низких, приземистых домах с широкими окнами, когда-то

жили те, кто создавал материальную красоту этого мира. Ая рассказывала, а я слушал, и перед моим внутренним взором вставали картины прошлого, такие яркие, словно я сам был их свидетелем.

Вот мастер по металлу, склонившийся над горном, создаёт из сплава, секрет которого знал только он, тончайшие пластины, что позже станут доспехами для воинов, защищавших город от набегов из нижних миров. Вот ткачиха за огромным станком, пальцы которой мелькают с такой скоростью, что за ними невозможно уследить, ткёт полотно, в которое вплетены нити солнечного света, пойманного в небесном океане на рассвете. Вот стеклодув, выдувающий из расплавленного песка сосуды такой невероятной формы, что вода, налитая в них, начинает светиться изнутри и петь на разные голоса в зависимости от времени суток.

Все они исчезли, когда пришла тьма. Их тела обратились в тени, присоединившись к армии Каге, а души застыли в тех самых предметах, которые они создавали при жизни. И теперь, когда город пробудился, эти предметы начали подавать признаки жизни.

Мы стояли в мастерской стеклодува, и я своими глазами видел, как один из сосудов, стоявший на полке, покрытой вековой пылью, вдруг дрогнул, качнулся и издал тонкий, певу-

чий звук, похожий на вздох облегчения. А потом в глубине его затеплился свет – слабый, робкий, но с каждым мгновением становившийся всё ярче. Свет этот пульсировал в такт моему сердцу – или это моё сердце билось в такт ему?

– Они чувствуют тебя, – прошептала Ая, и в голосе её не было удивления – только подтверждение давно известного факта. – Ты вернул им надежду. Теперь они ждут.

– Чего ждут? – спросил я, не отрывая взгляда от светящегося сосуда.

– Того же, чего ждали все мы, – ответила Ая. – Возвращения. Не в прежнем теле, нет. Это невозможно. Но хотя бы на миг, хотя бы на мгновение, чтобы сказать то, что не успели, попрощаться с теми, кого любили, передать знания тем, кто придёт после.

Я протянул руку к сосуду, и в тот же миг свет в нём вспыхнул с невероятной силой, заставив меня зажмуриться. А когда я открыл глаза, передо мной стоял старик. Прозрачный, сотканный из света и воздуха, но совершенно реальный, с морщинистым лицом и руками, покрытыми шрамами от ожогов – следами долгой работы с раскалённым стеклом.

Он смотрел на меня, и в глазах его стояли слёзы.

– Ты слышал, – прошептал он, и голос его звучал, как звон тончайшего хрусталя. – Ты пришёл. Я ждал так долго... так долго...

Он шагнул ко мне и положил прозрачную руку на моё плечо. Прикосновение его было почти невесомым, но я чувствовал его – тепло, идущее оттуда, откуда, казалось бы, не могло исходить никакое тепло.

– Я хочу передать тебе то, что знаю, – сказал старик. – Секрет стекла, поющего на рассвете. Секрет сосуда, хранящего свет вечно. Это знание не должно умереть вместе со мной. Возьми его. Оно твоё по праву.

И прежде чем я успел ответить, старик шагнул ко мне – шагнул внутрь меня, растворившись в моём теле, в моём сознании, в моей душе. На миг мир вокруг померк, и я оказался в другом месте – в его мастерской, но тысячу лет назад, когда она была полна жизни, когда вокруг сновали ученики, когда в горне пылал огонь, а на полках теснились сотни, тысячи сосудов всех форм и размеров, каждый из которых хранил в себе частицу души своего создателя.

Я видел его руки, ловкие, уверенные, творящие красоту из бесформенной массы расплавленного стекла. Я чувствовал

его дыхание, размеренное, спокойное, когда он выдувал очередной шедевр. Я слышал его мысли, его мечты, его страхи, его надежды. И всё это стало моим. Впиталось в меня, как вода впитывается в сухую землю, оставляя после себя лишь лёгкую рябь на поверхности.

Когда видение рассеялось, я стоял на том же месте, в пыльной, заброшенной мастерской, а на полке, там, где только что стоял светящийся сосуд, теперь лежала лишь горстка серого пепла. Старик ушёл. Передал мне всё, что мог, и ушёл, растворившись в свете, чтобы больше никогда не вернуться.

Ая смотрела на меня с понимающей грустью.

– Это только начало, – сказала она тихо. – Их много. Очень много. И каждый захочет передать тебе что-то своё.

Я посмотрел на свои руки. Они не изменились внешне, но внутри, глубоко под кожей, я чувствовал пульсацию новых знаний, новых умений, новых сил. Стекло, металл, ткань, дерево, камень – всё это теперь было мне подвластно на каком-то глубинном, интуитивном уровне. Я знал, как создать вещь, которая будет хранить в себе свет, как выковать меч, который не затупится никогда, как соткать полотно, в котором запутается сама смерть.

И это знание не радовало меня. Оно пугало. Потому что вместе с ним приходило понимание ответственности. Я становился не просто хранителем города – я становился его памятью, его историей, его будущим.

В последующие недели – или это были месяцы? Время здесь текло иначе, и я давно перестал следить за его ходом – я посетил все кварталы города. И в каждом меня ждали. Ремесленники, воины, учёные, поэты, музыканты, земледельцы – все, чьи души были заперты в предметах, которые они создали или которыми пользовались при жизни, выходили ко мне из своих убежищ и передавали мне частицу себя.

Я научился читать древние письмена, высеченные на стенах заброшенных храмов. Я узнал историю этого мира от его сотворения до великого затмения. Я выучил мелодии, под которые танцевали на праздниках урожая, и рецепты блюд, что готовили в дни великих побед. Я познал тайны звёзд, что светят в небесном океане, и секреты трав, что растут в долинах за городскими стенами.

Каждая переданная мне память оставляла свой след. Не только в сознании – в теле. Волосы мои, бывшие когда-то просто тёмными, теперь отливали серебром на кончиках. Глаза изменили цвет – в них появились золотые искорки, ко-

торые загорались всякий раз, когда я вспоминал очередную историю. На коже, под одеждой, проступали тонкие линии – не татуировки, а что-то иное, похожее на карту звёздного неба, нанесённую невидимыми чернилами, проступающими только в определённом свете.

Ая наблюдала за моими превращениями с молчаливым одобрением. Она знала, к чему всё идёт, знала с самого начала, с того самого момента, как я замкнул круг на дне фонтана. Но не говорила мне. Ждала, когда я сам пойму.

Зверёк, которого мы называли Хикари – «свет», потому что от него вечно летели искры, – тоже менялся. С каждой переданной мне памятью он становился чуть больше, чуть ярче, чуть разумнее. Искры, вылетающие из его носа, теперь не просто гасли в воздухе – они собирались в причудливые фигуры, кружились вокруг нас и лишь потом исчезали, оставляя после себя едва уловимый аромат.

Однажды, когда я сидел на краю фонтана, переваривая очередную порцию древних знаний – на этот раз это были воинские искусства, переданные мне призраком генерала, павшего в первой битве с тьмой, – ко мне подошла Ая. Вид у неё был непривычно серьёзный, даже торжественный.

– Ты готов? – спросила она без предисловий.

Я посмотрел на неё, пытаюсь понять, что скрывается за этим простым вопросом.

– К чему?

– К тому, чтобы узнать правду, – ответила Ая. – О себе. О нас. О том, зачем ты здесь на самом деле.

Я молчал. В глубине души я всегда знал, что история со случайным героем, призванным из другого мира, слишком проста, слишком прямолинейна для этого места, полного тайн и недосказанности. Но предпочитал не думать об этом, наслаждаясь новой жизнью, новыми друзьями, новым смыслом существования.

– Говори, – наконец произнёс я, и голос мой прозвучал глухо, как удар далёкого барабана.

Ая села напротив, и Хикари, почувствовав важность момента, устроился у неё в ногах, перестав на время искрить.

– Ты думаешь, что ты из другого мира, – начала она. – Из мира серых коробок и пустых сердец. Ты помнишь свою жизнь там – балкон, дождь, одиночество. Но скажи мне: что ты помнишь из того, что было до? До того, как ты стал

тем, кем стал? Своё детство? Своих родителей? Свой первый день в школе?

Я попытался вспомнить. И с ужасом понял, что не могу. Воспоминания о той, прежней жизни обрывались ровно на том моменте, когда я стоял на балконе и смотрел на серый город. Всё, что было до – пустота. Белый лист. Ничего.

– Это потому, что той жизни не было, – тихо сказала Ая, и слова её падали в мою душу, как камни в глубокий колодец. – Ты не пришёл из другого мира. Ты всегда был здесь. Ты – часть этого города, его самая важная часть, та, что была утрачена тысячелетия назад и которую мы искали всё это время.

Мир вокруг меня покачнулся. Небесный океан на миг потемнел, рыбы в нём замерли, свет, идущий отовсюду, потускнел.

– Но я помню... – начал я, но Ая перебила меня.

– Ты помнишь то, что должно было стать твоей историей, твоей легендой, твоим путём к себе настоящему. Этот мир серых коробок, это одиночество, эта тоска – всё это нужно было, чтобы ты захотел вернуться. Чтобы ты сделал выбор. Чтобы ты шагнул в разрыв не ради спасения, а ради самого себя.

Она протянула руку и коснулась моей груди, туда, где билось сердце.

– Ты – тот, кто создал этот город. Ты – первый мастер, первый воин, первый поэт. Ты был всем и никем одновременно. Ты дал жизнь этому месту, вдохнул в него душу, наполнил его светом. А когда пришла тьма, когда Каге предал нас, ты не стал сражаться. Ты сделал нечто иное. Ты разделил себя на тысячу частей и разбросал по мирам, чтобы тьма не могла найти тебя целиком. Чтобы однажды, когда придёт время, все эти части собрались воедино и вернули городу его истинного создателя.

Я смотрел на неё и не мог вымолвить ни слова. Мысли путались, воспоминания наслаивались друг на друга, создавая невыносимую какофонию образов и чувств.

– Каждая память, что ты принял от ремесленников и воинов, – продолжала Ая, – была частицей тебя. Каждый из них хранил кусочек твоей души, твоего таланта, твоего знания. И теперь, когда все они вернулись к тебе, ты стал тем, кем был изначально. Создателем. Хранителем. Отцом этого мира.

Хикари поднял голову и посмотрел на меня своими огромными глазами. В них, в глубине зрачков, я увидел от-

ражение себя. Но не того, каким я был сейчас, а другого – величественного, древнего, сотканного из света и мудрости, стоящего на вершине самой высокой башни и обводящего взглядом город, который он создал своими руками.

– Ты помнишь теперь? – спросила Ая, и голос её звучал откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды.

Я закрыл глаза. И память хлынула в меня, смывая последние преграды, последние сомнения, последние остатки той ложной личности, что была создана, чтобы защитить меня от тьмы.

Я увидел себя – настоящего себя – стоящего на пустом месте, среди первозданного хаоса, и творящего. Слова, что я произносил, становились камнями. Мысли, что рождались в моей голове, становились домами. Мечты, что я лелеял, становились жителями, наполняющими этот новый, только что созданный мир.

Я видел, как рос город, как расцветал, как становился сердцем всего сущего в этой вселенной. Я видел своих детей – не по крови, но по духу – тех, кого я научил ремёслам, кого вдохновил на подвиги, кому передал частицу своей мудрости. Я видел Каге – юного, горящего, полного надежд, которого я полюбил как сына и которому доверил самое сокро-

венное – ключ к сердцу города.

Я видел предательство. Видел, как тьма, приняв облик того, кого я считал близким, проникла в самое святое святых и погасила свет. Видел, как мои дети, мои творения, моя семья обращаются в тени, исчезая в пустоте. И видел своё решение – единственно возможное в тот момент – разделить себя на тысячи осколков и разбросать по мирам, чтобы тьма, торжествующая победу, никогда не смогла добраться до моей сути.

А потом – тысячелетия ожидания. Тысячелетия, в течение которых мои осколки жили чужими жизнями в чужих мирах, накапливая опыт, впитывая знания, становясь сильнее. И наконец – момент сбора. Момент, когда последний осколок, тот, что носил имя обычного парня из серого мира, шагнул в расколотое небо и начал своё путешествие домой.

Я открыл глаза. По щекам текли слёзы, которых я не замечал. Ая смотрела на меня, и в её взгляде была вся любовь мира, всё прощение, вся надежда, что хранилась в ней все эти бесконечные годы.

– Ты ждала меня, – прошептал я, и голос мой звучал иначе – глубже, богаче обертонами, словно в нём зазвучали голоса всех тех, чьи памяти я впитал. – Все эти тысячелетия ты ждала меня.

– Я знала, что ты вернёшься, – ответила Ая. – Я всегда это знала. Даже когда тьма почти погасила последнюю искру. Даже когда город превратился в кладбище. Даже когда я сама почти перестала быть собой. Я знала. Потому что ты обещал.

Я протянул руку и коснулся её лица. И в этом прикосновении было всё – и благодарность за верность, и боль за потерянные годы, и надежда на будущее, которое теперь, когда я стал собой настоящим, открывалось перед нами бесконечной чередой светлых дней.

– Что теперь? – спросил я.

Ая улыбнулась. Улыбка её была такой же, как в первый раз, когда я замкнул круг – чистой, детской, полной веры в чудо.

– Теперь ты будешь править, – сказала она просто. – Как правил раньше. Только теперь у тебя есть мы. Все мы. И тьма больше никогда не посмеет приблизиться к этому месту.

Я поднялся на ноги и посмотрел на город. Настоящим взглядом, не замутнённым ложной памятью о чужой жизни. И город ответил мне. Каждый камень, каждый дом, каждая улочка вспыхнули в ответ светом узнавания. Светом любви.

Светом возвращения блудного создателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.